

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И КАЧЕСТВЕННО-СВОЕОБРАЗНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА: НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Рыльская Е.А.¹

¹Челябинский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Челябинск, Россия (454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26), e-mail: elena_rylskaya@mail.ru

В статье представлены результаты исследования индивидуально-психологических проявлений жизнеспособности человека в контексте становления его многомерного жизненного мира. Исследование выполнено в русле нарративного подхода, позволяющего выявить закономерности осмысления человеком собственной жизни через создаваемый им автобиографический текст. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы. Качественное своеобразие жизнеспособности у испытуемых с разными показателями ее количественной выраженности проявляется, прежде всего, в разной частоте использования определенных смысловых категорий. Наиболее часто встречаемой смысловой единицей, характеризующей ценностно-смысловую сферу испытуемых с высокой и средней жизнеспособностью, является категория «любовь». У низкожизнеспособных отмечается депривация в отношении любви. Выявлены различия в отношении к жизненным задачам. У испытуемых со средними показателями жизнеспособности при высокой значимости решения жизненных задач отмечается их недостаточная рефлексивная оценка (что присуще людям с высокой жизнеспособностью). В выборке испытуемых с низкой жизнеспособностью преобладают маркеры нереализованности жизненных задач с негативной модальностью. Заметны отличия в специфике воссоздания временных ретроспектив прошлого и в конструировании временных перспектив будущего. Субъективная значимость будущего значительно превалирует в высокожизнеспособной выборке. Нарративы испытуемых среднежизнеспособной выборки ориентированы на жизнь в настоящем. У «нежизнеспособных» отмечается сильный «крен» в сторону прошлого. Примечательно то, что различия в частоте встречаемости жанров нарратива не значимы у испытуемых. Следовательно, можно полагать, что наиболее важным для жизнеспособности человека является не его приверженность к определенному образу жизни, а способность «творить синтетический образ жизни», отвечающий требованиям ее целостности и разнообразия. Различия можно заметить и в общем темпе автобиографического дискурса.

Ключевые слова: нарративный подход, жизнеспособность человека, жизненный мир, образ мира, образ жизни, жанры нарратива, жизненные задачи.

VITAL ABILITY AND QUALITATIVELY THE PECULIAR FORMATION OF THE VITAL WORLD OF THE PERSON: A NARRATIVE APPROACH

Rylskaya E.A.¹

¹Chelyabinsk branch of the Russian Academy for state service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia (454077, Komarova street, 26) e-mail: elena_rylskaya@mail.ru

The article presents the results of the research of individual psychological manifestations of person's vital ability in the context of the formation of his life in the world. The study was carried out from the point of view of narrative approach which helps to identify regularities of person's own life thinking through produced by him the autobiographical text. The results obtained allow making the following conclusions. The qualitative peculiarity of vital ability in sample groups with different indices of its quantitative severity is manifested, first of all, in varying the frequency of the use of certain conceptual categories. The category of «love» is the most often semantic unit which has been seen when describing the value-semantic sphere of testers with high and medium vital ability. The testers with low vital ability show the deprivation of love. There are the differences in attitude towards life tasks have been found. The testers with the average vital ability at the high significance of the decisions of vital problems, marked with their lack of reflective estimation (that is inherent in people with high viability). In the sample of examinee subjects with low viability prevail markers of not-realized tasks of the life with negative modality. There are differences in the specificity of the recreation of the temporary retrospectives of the past and in the construction of temporary prospects for the future. Subjective importance of the future widely prevails in the sample with high vital ability. Testers with the average vital ability create narratives focused on life in the present. The «non-viable» testers note strong tendency towards the past. It is important that the differences in the frequency of genres of narrative are not significant in all the samples of testers. Consequently, we can assume that the most significant fact for vital ability of the person is not his attachment to

a certain lifestyle, but his readiness to «create synthetic lifestyle» that meets the requirements of its integrity and diversity. Differences can be observed also in the general tempo of autobiographical discourse.

Keywords: narrative approach, person's vital ability, life-world, the image of the world, way of life, genres of narrative, life tasks.

Введение. Ценность человеческой жизни во всех ее разнообразных контекстах имеет непреходящую актуальность и является предметом исследования целого ряда научных дисциплин и гуманитарных практик. Вместе с тем на протяжении десятков лет средняя частота суицидов в мире составляет 14 случаев на каждые 100 тыс. человек [6]. Не случайно проблемы исследования жизнеспособности человека все чаще освещаются на страницах научных изданий [1-3; 5; 9; 10 и др.] и становятся предметом обсуждений на масштабных научных конференциях [4]. Тем не менее многие аспекты этого феномена не только не исследованы, но даже не обозначены.

Задачи, выборка и методика исследования. В рамках данной статьи представлены результаты изучения индивидуально-психологических проявлений жизнеспособности как онтологического явления, представленного в контексте многомерного жизненного мира человека. Исследование выполнено с позиции нарративного подхода, позволяющего выявить некоторые способы и закономерности осмысления человеком себя и собственной жизни через создаваемый им автобиографический текст. Дендритная кластеризация позволила разделить исследуемую совокупность (N = 257; мужчин 125 чел., женщин 132 в возрасте от 31 до 57 лет) на три кластера, включающие испытуемых с высокими, средними и низкими показателями жизнеспособности. Им было предложено написать историю на тему «Моя жизнь в прошлом, настоящем и будущем». Выявленные смысловые категории обрабатывались посредством контент-анализа. Значимость различий проверялась при помощи критерия согласия χ^2 . Для диагностики жизнеспособности использовался авторский опросник «Жизнеспособность человека».

Категории анализа. Отбор маркеров или категорий анализа осуществлялся в соответствии с важным требованием к техническим характеристикам этих категорий – их соответствием определенной теоретико-методологической модели. Согласно базовым положениям теории психологических систем, определяющей в нашей концепции жизнеспособности человека способы становления жизненного мира, были выделены следующие смысловые категории: образ мира, образ жизни, особенности становления многомерного человека [7]. Маркерами образа мира выступали различные характеристики жизненных задач (степень реализации, осознания и отношения) и ведущие ценностно-смысловые ориентиры жизни. Анализ образа жизни осуществлялся посредством сравнения текстов и жанров нарратива, включающих такие способы символизации жизненного опыта, как комедия, роман, трагедия, ирония [8]. Учитывая лингвистическую «тонкость» этой

задачи, для отбора и дифференциации смысловых категорий в жанровом контексте мы привлекли 5 экспертов (преподаватели вузов, имеющие ученые степени по филологии). Учитывались только те маркеры, которые характеризовались 75% совпадений.

Анализ результатов. Результаты контент-анализа показали, что для людей с высокими и средними показателями жизнеспособности значимы ценностно-смысловые категории, отражающие содержание основных жизненных задач периода зрелости. В выборке испытуемых с низкой жизнеспособностью преобладают маркеры нереализованности жизненных задач с негативной модальностью («начал все терять», «нет ни семьи, ни работы, ни радости от жизни»), рефлексия решения задач представлена слабо. Отмечается дисгармония в жизненных задачах («осталась одна работа, но она не приносит настоящей радости»).

Наиболее часто встречаемой смысловой единицей, характеризующей ценностно-смысловую сферу испытуемых первых двух кластеров, является любовь: «люблю свою семью», «мой муж меня любит», «люблю свою работу», «любовь к семье, к людям, к природе», «я, как Маргарита у Булгакова, не могу жить без любви». В нарративах людей с низкими показателями жизнеспособности эта категория встречается гораздо реже, отмечается депривация в отношении любви: «любви и заботы от мужа не видела», «хочется написать про самых человечных в мире людей, любовь и счастье, но в нашей жизни типичная картина: озлобленность, ненависть, жестокость, ненависть друг к другу», «жизнь остановилась, не стало любящих меня близких», «сильнейшее желание бросить когда-то любимую, а теперь опостылевшую работу, закрыть за собой дверь тихо, но плотно...», «всех ненавижу, что хорошего мне сделали».

Образ мира в сознании человека всегда представлен в определенной хромотопической данности, выступая как идеальный исторический вектор авторского жизненного пространства. Исходя из этого специальному анализу в нарративных историях подвергались смысловые категории, отражающие как специфику воссоздания прошлых временных ретроспектив, так и своеобразие конструирования новых временных перспектив. В качестве маркеров в данном случае рассматривались: а) субъективная значимость прошлого, настоящего и будущего (диагностировалась как частота употребления глаголов прошедшего, настоящего и будущего времени); б) общая субъективная «протяженность» прошлого, настоящего и будущего (определялась как преобладание описаний соответствующих отрезков жизненного пути). Кроме этого, осуществлялся качественный анализ смысловых категорий с целью фиксации семантического «взаимопроникновения» прошлого, настоящего, будущего, их взаимосвязи как показателей холистичности прошлого, настоящего и будущего, общей динамичности или статичности повествования (табл. 1).

Таблица 1

Субъективная значимость прошлого, настоящего и будущего в нарративах
представителей разных кластеров

Соотношение частот употребления глаголов прошедшего, настоящего и будущего времени, в %	Высокая жизнеспособность, 1 кластер			Средняя жизнеспособность, 2 кластер			Низкая жизнеспособность, 3 кластер		
	П	Н	Б	П	Н	Б	П	Н	Б
	15	37	48	23	55	22	80	15	5
Эмпирическое значение критерия согласия χ^2	П–Н	Н–Б	П–Б	П–Н	Н–Б	П–Б	П–Н	Н–Б	П–Б
	24,42	3,59	44,87	11,48	73,78	–	114,77	12,25	169,10
Уровень значимости различий	,000	,000	,000	,001	,000	–	,000	,000	,000

Примечание: П – объем текста, содержащий описание прошлого, Н – объем текста, содержащий описание настоящего, Б – объем текста, содержащий описание будущего

Полученные результаты позволяют судить, прежде всего, о том, что субъективная значимость будущего значительно превалирует у представителей первого кластера. Высоко жизнеспособная выборка отличается широкой «распахнутостью» будущего (максимум глаголов будущего времени) с представительной долей настоящего, превосходящего прошлое. Нарративы испытуемых «среднежизнеспособной» выборки ориентированы на жизнь в настоящем (в суждениях преобладают глаголы настоящего времени). Вместе с тем наблюдается одновременная ориентация на экзистенциальный опыт и переживания прошлого (глаголы прошедшего времени), которые уравниваются будущим. Общая роль перспективного вектора будущего ниже, чем у представителей первого кластера. У «нежизнеспособных» (третий кластер) отмечается сильный «крен» в сторону прошлого (максимум соответствующих глаголов). Тем самым представители этого типа лишаются мощного жизненного стимула, поскольку человеческая жизнь – это всегда движение вперед, в модус будущего (табл. 2).

Таблица 2

Процентное соотношение и статистика прошлого, настоящего и будущего в
нарративах представителей разных кластеров

Соотношение прошлого, настоящего и будущего, в %	Высокая жизнеспособность, 1 кластер			Средняя жизнеспособность, 2 кластер			Низкая Жизнеспособность, 3 кластер		
	П	Н	Б	П	Н	Б	П	Н	Б
	18	37	45	26	45	29	77	18	5
Эмпирическое значение критерия согласия χ^2	П–Н 17,02	Н–Б –	П–Б 29,57	П–Н 13,26	Н–Б 8,89	П–Б –	П–Н 93,83	Н–Б 18,46	П–Б 161,21
Уровень значимости различий	,000	–	,000	,000	,003	–	,000	,000	,000

Примечание: П – объем текста, содержащий описание прошлого, Н – объем текста, содержащий описание настоящего, Б – объем текста, содержащий описание будущего

У представителей первого кластера значимо превалируют доли перспективной и актуальной направленности, причем значимость будущего «нарастает» постепенно, как бы «порождаясь» настоящим, с которым оно неразрывно связано (о чем свидетельствует отсутствие значимых различий по этим параметрам). Количественные результаты говорят о том, что прошлое находится в состоянии некоторой «разобщенности» с настоящим и будущим. Однако дальнейший содержательный анализ описаний различных временных модусов бытия показывает, что это не совсем так. Для представителей этого кластера характерна высокая степень трансформации прошлого опыта как в настоящее, так и в будущее, которая фиксируется, например, в таких высказываниях: «я поняла, что не стоило всю себя отдавать, сейчас уделяю себе больше внимания, уверена, что теперь все будет по-другому».

Испытуемые со средними показателями жизнеспособности характеризуются отсутствием «постепенности» в развертывании временных векторов, среди которых наиболее значимым оказывается актуальный вектор. Значимость будущего снижается и уравнивается с соответствующей значимостью прошлого.

В третьем кластере (низкая жизнеспособность) локализация временного континуума осуществляется в основном в пределах ретроспективы жизненного пути. Автобиографические воспоминания не включены в актуальную жизненную реальность («была настоящая жизнь», «раньше жила по-настоящему», «отжил, отлюбил, отработал», «водка была дешевая»), вследствие чего наблюдается разрыв между прошлым и настоящим, а воспоминания иногда превращаются в разрушительную силу. При этом отрицание

прошлого опыта «подавляет» настоящее, а еще больше «угнетает» будущее: «совершил грубую ошибку, теперь ничего не поправишь»; «знал бы, где упаду, соломки бы постелил, а теперь...»; «слишком любила и прощала, получила, что имею...»; «не надо было метать бисер...», «такие люди такими и останутся»).

На следующем этапе исследования осуществлялся анализ образа жизни представителей выделенных кластеров с использованием жанров нарратива. Контент-анализ позволил заметить, что люди с высокими показателями жизнеспособности осознают, что в жизни имеет место и трагическое, и комическое. Например, высказывание человека «Я не жалею ни о чем; все, что со мной было, это моя жизнь» позволяет говорить о гармоничности жанров нарратива как отражении целостности образа жизни. Трагические события, если они случаются, не нарушают этой целостности, а приводят к позитивной переоценке ценностей, «корректируя» способы связи с внешним миром: «жизнь не любит, когда не ценишь то, что имеешь»; «жизнь делится на две части, после сорока я поняла, что она только начинается, но поняла и другое – для чего мне все это было дано, испытания сделали меня лучше, добрее, теперь это помогает мне находить в себе силы тогда, когда их, казалось бы, уже нет». Эта же особенность присуща и представителям второго кластера, хотя ее выраженность значимо ниже.

В нарративах испытуемых с низкими показателями жизнеспособности преобладают определенные жанры, что свидетельствует о неспособности видеть жизнь в целом, воспринимать ее во всей противоречивой полноте. Например, ирония: «Вышла замуж, родила двоих детей, вышла еще раз, еще одного родила. Может, хоть под старость "поднисуть" глоток воды». Трагедия: «Хочется добра, но, к сожалению, в жизни все по-другому». «Человек не задумывался о смысле жизни, начал терять то, что имел, и остался у разбитого корыта». Примечательно то, что различия в частоте встречаемости жанров не значимы у испытуемых всех кластеров. Следовательно, можно полагать, что наиболее важным для жизнеспособности человека является не его приверженность к определенному образу жизни, который может служить некой жизненной панацеей, а способность конструировать, «творить» «синтетический» образ жизни, максимально отвечающий требованиям ее полноты, целостности и «животрепещущего» разнообразия.

Полученные результаты позволяют предполагать качественно-различные проявления когнитивных компонентов психики у людей с различными показателями жизнеспособности. Эти компоненты играют большую роль в формировании жизненного мира человека. Жизнеспособность человека определяется, на наш взгляд, особым типом мышления, которое А. Маслоу назвал холистическим [11]. Холистическое мышление проявляется в умении человека обращать внимание на целое больше, чем на отдельные части целого. Переживания

прошлого, настоящего и будущего, видение жизни и смерти, осознание добра и зла осуществляются в неразрывном единстве

Еще одним когнитивным компонентом, определяющим позитивную или негативную, «жизнеспособную» или «нежизнеспособную» специфику прохождения человеком его жизненного пути является автобиографическая память. В психологии автобиографическая память рассматривается как особый механизм совладающего поведения. Однако память человека может не только созидать, но и разрушать его жизнь. Если не удастся включить воспоминания в сегодняшнюю жизненную реальность, преодолеть разрыв между прошлым и настоящим, воспоминания превращаются в разрушительную силу. Таким образом, формирование многомерного жизненного мира человека осуществляется посредством многозначных трансформаций ценностно-смысловых оснований образа мира в соответствии с требованиями образа жизни. Жизнеспособный человек более подготовлен к таким трансформациям, которые осуществляются благодаря работе особых когнитивных компонентов психики: мышления и памяти.

Выводы. Индивидуально-типологические особенности жизнеспособности проявляются в специфике образа мира и образа жизни как составляющих многомерного жизненного мира человека. В жизненном мире жизнеспособного человека «господствует» «ее Величество Любовь», вызывающая ощущение счастья и полноты жизни. Такой жизненный мир характеризуется устойчивостью за счет рефлексивного осознания и гармоничного решения задач социального бытия. В то же время это динамично-целостный мир, устремленный в будущее, которое существует в неразрывной связи с настоящим. Низкая жизнеспособность «разрушает» холистичность жизненного мира, лишённого любви и счастья. Он распадается на фрагменты бытия, в которых крах настоящего приводит к потере надежды на будущее и утрачивается мощный жизненный стимул – движение вперед, в обозримое или необозримое будущее.

Список литературы

1. Абульханова К.А. Сознание как жизненная способность личности // Психол. журн. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 32–43.
2. Лактионова А.И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2010. – 22 с.
3. Махнач А.В. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция / А.В. Махнач, А.И. Лактионова // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М. : ИП РАН, 2007. – 624 с.

4. Махнач А.В. Международная конференция по проблемам жизнеспособности детей и подростков // Психол. журн. – 2006. – Т. 27. – № 2. – С. 131–132.
5. Нестерова А.А. Социально-психологический подход к изучению жизнеспособности личности, находящейся в трудной жизненной ситуации. – М. : Изд-во РГСУ, 2011. – 243 с.
6. Положий Б.С. Самоубийства: как предотвратить беду : материалы online-конференции 10.09.2011. - URL: <http://ria.ru/online/20110910/434380661.html>. (дата обращения: 16.03.2013).
7. Рыльская Е.А. Психология жизнеспособности человека : монография. – Челябинск : ЧГПУ, 2009. – 370 с.
8. Frye N. Anatomy of criticism. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1957. – P. 39–52.
9. Handbook for working with children and youth: pathways to resilience across cultures and contexts / ed. by M. Ungar. – Thousands Oaks-L-New Delhi, Inc. 2005. – 520 p.
10. Hellerstein D. How can I become resilient // Heal your brain. - URL: <http://www.psychologytoday.com/blog/heal-your-brain/201108/how-can-i-become-resilient> (accessed September 19, 2012).
11. Maslow A. Motivation and personality. – New York : Harper & Row, 1970. – 369 p.

Рецензенты:

Горелова Г.Г., д.псх.н., профессор, профессор кафедры политологии и политического управления, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск.

Ященко Е.Ф., д.псх.н., доцент, профессор кафедры общей психологии Южно-Уральского государственного университета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный университет» (Национальный исследовательский университет), г. Челябинск.